

Т. О. Спивак

ТЫЛ У ЛИНИИ ФРОНТА

Еще в августе 1941 года самые западные районы нашей области – Вытегорский и Оштинский* – казались многим надежным и спокойным тылом. Сюда устремились потоки беженцев из Ленинградской области и Карело-Финской АССР. Оштинский район, например, принял более 2,5 тысяч эвакуированных¹. Однако уже спустя месяц встал вопрос об эвакуации в более глубокий тыл не только прибывших ленинградцев и карелов, но и самих жителей Ошты и ряда примыкающих к ней сельсоветов.

Фронт неудержимо приближался к западным границам Вологодской области. Первые разведотряды финской армии** появились в оштинских лесах и деревнях в ночь на 7 октября. Их встретили огнем бойцы местного истребительного батальона² и отступавшие из Вознесенья (Ленинградская область) воины 74-го отдельного разведбатальона, а 9 октября прямо с марша вступили в бой два полка 272-й стрелковой дивизии.

Развернувшись уже непосредственно на территории области боевые действия не могли не сказаться на жизни самого близкого к фронту Вытегорского района (до Ошты – 64 километра, до Онежского озера – всего одиннадцать). Все восточное побережье озера, а именно его вытегорский, андомский участки и далее до самого устья реки Водлы, в спешном порядке обустроивалось под базу Онежской военной флотилии. Работы, проводившиеся здесь, по утверждению начальника инженерного управления Военно-Морского Флота генерал-майора инженерных войск Судьбина, «большие и срочные». Для их производства необходима «мобилизация внутренних ресурсов Вытегорского района»³.

* Объединение Вытегорского района с тремя соседними – Оштинским, Андомским и Ковжянским – произошло уже в послевоенные годы.

** В районе Оштинского рубежа бои вели не немецкие, а финские войска.

Такой же «мобилизации внутренних ресурсов» требовало от Вытегорского района и Ленинградское окружное военно-строительное управление на строительство аэродрома в Девятинах ⁴, где впоследствии базировался 773 истребительный авиаполк, и строительство дороги Борисово-Пяозеро-Шимозеро ⁵, и многие другие нужды совсем близкого фронта. А резервы и ресурсы района таяли. Главной проблемой была рабочая сила. Особенно остро она встала в ноябре сорок первого. В Вытегорский райвоенкомат поступил приказ из штаба 7-й отдельной армии: «За счет ресурсов своего района призвать в 272-ю стрелковую дивизию необходимое количество военнообязанных...». Этим количеством оказалась тысяча человек ⁶. Они влились в дивизию в последней декаде ноября, а уже 15 декабря приняли первый бой.

Но, пожалуй, самым неожиданным и самым сложным для выполнения было предложение штаба 7-й отдельной армии начать в районе производство 82-миллиметровых мин для батальонных минометов ⁷. Было от чего прийти в смятение. Никакой материальной базы для такого производства в районе, конечно же, не было.

Но военные упорны в своем решении, и спустя неделю после первого разговора – 15 ноября – доставляют в район эскиз мины, снятый в натуральную величину, саму мину и основные данные по технологии ее производства. С этими документами первый секретарь райкома партии П.Н. Николаев прискал в Белоручейский мехлеспункт * к В.И. Куклеву.

- Да вы что, Платон Николасвич, – услышав о предстоящем задании, директор даже не пытался скрыть свое возмущение. – Из чего делать? На чем? С кем выпускать? С женщинами, которые пришли на производство и, кроме топора, в руках ничего не держали? Мужиков-то почти не осталось.

- Если вы не освоите, больше некому, – подождав, пока выговорится директор, продолжал Николасв. – Знаешь ведь, что центральные ремонтные мастерские забрали у нас авиаторы. А мины нужны позарез. У 272-й в Оште, которая, кстати, и нас с тобой защищает, мало того, что людей с гулькин нос, так и этим людям отстреливаться нечем. Так что подумай. А мы всем, чем сможем, будем помогать...

* По официальному статусу в сорок первом году предприятие называлось мехлеспунктом. Но в переписке военных с руководством района оно именуется леспромхозом.

С тем и уехал, оставив Куклева размышлять об услышанном. Немного успокоившись, директор начал читать бумаги, привезенные Николаевым. И по мере того, как он вчитывался в технические условия, лицо его все больше мрачнело. Корпус мины изготавливается из литого чугуна, сорт металла – «сталистый чугун». Вот-вот, литой чугун, да не простой, а сталистый. Где его взять? Металлолом? Его у Белоручейки – кот наплакал. Не пускать же в переплав хозяйство узкоколейки. Тогда и лес возить нечем будет... Но самое главное – литейки-то нет...

И все же мысль директора работала уже так, словно вопрос о производстве мин решен окончательно и оставалось только разобраться в деталях. Сырье, кадры, оборудование, технология, помещение, наконец...

Песок для формовки? Этого добра сколько угодно. Вся округа – один песок. Огнеупорная глина? Надо посмотреть старые штольни под Вытегорой. Когда-то вытегорскую глину отправляли на литейные заводы в Ленинград и Петрозаводск. Известь? За ней тоже никуда ехать не надо. Мариинский канал, что проходит в двух километрах от поселка, пробит через известковые пласты. Но это все вспомогательные материалы. Для литейного производства нужен прежде всего чугун, к тому же чушковый, да еще металлолом, кокс, сода и прочие всякие добавки. Все это в районе есть. Еще в сороковом было завезено на планировавшееся строительство Волго-Балтийского канала. Так же, как и вагранка, и обрабатывающие станки. Началась война, строительство, сщс и не развернувшееся по настоящему, законсервировали. Старая Мариинка еще послужит, а деньги нужны фронту. Но согласится ли ликвидком передать Белоручейке все необходимое? Впрочем, об этом пусть болит голова у секретаря райкома. Обещал ведь помогать. А ему, Куклеву, со своими внутренними проблемами справиться бы. Литейный цех придется строить, от этого никуда не уйдешь. Но даже при круглосуточном строительстве это – три месяца. Быстрее не сделать. А с опытными образцами мин так долго тянуть нельзя. К пуску литейки производственный процесс должен быть освоен.

Тогда в феврале можно будет сразу перейти на серийный выпуск. Значит, пока в миниатюре – в действующих мастерских. И литье, и обработка. Людей учить в процессе работы.

Как все-таки однобоки зачастую исторические документы. По поводу будущих белоручейских мин в течение нескольких месяцев велась

обширная переписка. Аккуратно пронумерованная, подшитая, она донесла до нас дыхание тех дней. Легко представить себе и те трудности, которые испытывал коллектив, осваивая новую продукцию, и неудачи, его постигавшие, и то нетерпение, которое испытывали военные. Нет в этой переписке только одного, на мой взгляд, самого главного – имен людей, сделавших, в конце концов, эти мины.

В одном из писем названы два токаря – Леонид Аксенов и Константин Захаров⁸. И названы лишь потому, что этих специалистов нужно было заполучить из батальона аэродромного обслуживания, который базировался по соседству с леспромхозом. Разрешение на это могло дать только армейское руководство. Еще три имени названы в другом письме, и опять-таки в связи с тем, что модельщика М. И. Богданова, мастера-литейщика (он же заведующий литейным цехом) В. Е. Кюлленена и заведующего электростанцией техника Г. П. Буркова нужно было хотя бы временно отстоять от мобилизации⁹. А бронь мог дать только областной военкомат.

Чуть больше имен в воспоминаниях бывшего главного инженера Белоручейки К. Н. Некрасова, которые он прислал автору этих строк еще в семидесятые годы. Константин Николаевич писал, что солдаты Аксенов и Захаров поставили себе койки в углу мастерской, чтобы не тратить время на дорогу, и в две смены обучали подростков токарному делу. Среди их учеников были и братья Богдановы – Михаил и Егор. На другом участке в это же время Ф. И. Лабайдин терпеливо объяснял женщинам, как надо набивать формовочные ящики, как уплотнять песок, как соединять отдельные части формы в единое целое...

Первые опытные образцы отлили в середине декабря. Пару корпусов отвез в штаб 7-й отдельной армии военинженер 2-го ранга Моисеев. В Вологду с тремя экземплярами поехал сам Куклев. Здесь их испытывали «без взрывателя, с одним хвостовым патроном». Заключение эксперта воентехника 1-го ранга Денисова положительное¹⁰. Однако последнее слово оставалось за артиллерийским управлением армии. А оттуда ответ был не столь оптимистичным: «Качество отливок и обработки недостаточно удовлетворительное»¹¹. Казалось бы, приговор ясен, хотя и высказан весьма туманно. Но читая письмо дальше, понимаешь, что военные вовсе не намерены были отказываться от белоручейских мин. Они постарались, как можно мягче, деликатнее, дабы не обидеть коллектив, высказать свои претензии к продукции. Отсюда и просьба (не приказ, не требование,

а просьба!) «продолжать опытные работы по изготовлению неснаряженных* осколочных мин...» и принять меры по получению более плотной отливки и ликвидации большой разностепенности в ней, а также и улучшению сварки крыльев стабилизатора»¹².

Работы продолжались. Опыты проводили и с опоками, и с самим литьем. К середине января сорок второго изготовили уже двадцать экспериментальных образцов по трем различным технологиям. В письме, отправленном в штаб армии вместе с образцами, Куклев сообщает, что при положительном ответе леспромхоз немедленно приступит к массовому производству. Возможный месячный объем – полторы тысячи штук. В дальнейшем, с пуском литейки и увеличением станочного парка объем выпускаемой продукции может быть увеличен до трех-четырёх тысяч штук в месяц¹³.

На этот раз ответ был на нескольких страницах. Подробно сообщалось, как и какие проводились испытания. И вывод: «Считать предъявленные для испытания мины, изготовленные из сталистого чугуна по последнему технологическому процессу (залвка в три опоки) удовлетворяющими поставленным для них задачам»¹⁴.

Следовал еще ряд замечаний, но главным было все-таки вот это – «считать... удовлетворяющими». Могли наконец облегченно вздохнуть уставшие от напряжения рабочие и мастера, люди, руководствовавшиеся древней русской мудростью: «Не боги горшки обжигают...», – взявшись за неведомое дело и справившиеся с ним. Могли сбросить с себя груз вины за первую неудачу и женщины-формовщицы – А. Н. Кононова, В. Т. Турунова, А. В. Крашенинникова, В. А. Федоткова, сестры Вера и Юлия Калининг и другие. Я смогла назвать только шестерых, а ведь это была большая бригада.

С получением ответа на этот раз события начали развиваться с быстротой военного времени.

9 февраля Куклев сообщает Николаеву, что строительство литейки практически завершено. В связи с этим директор высказывает целый ряд просьб и предложений (дескать, обещали помогать, так помогайте) по улучшению организации производства¹⁵.

* Без взрывающегося наполнителя и взрывателя.

11 февраля бюро Вытегорского райкома партии принимает решение, в котором, в частности, говорится, что «производство как неснаряженных, так и снаряженных мин» будет не в ущерб основной работе предприятия. Николаев верен себе: в Белоручейке должен быть законченный цикл производства мин, чтобы отсюда – сразу на фронт, поэтому и добивается, чтобы штаб армии направил в район специалиста и нужное количество взрывчатки. Получит леспромхоз и дополнительные станки¹⁶.

16 февраля заседает бюро обкома. Называются контрольные цифры – четыре тысячи готовых мин в месяц, а при увеличении количества токарных станков – до 12 тысяч¹⁷.

Но и эта цифра не была окончательной. 2 июля заместитель командующего войсками 7-й отдельной армии полковник Нестерук пишет в обком: «На 3-й квартал 1942 года в план (через Госплан и ГКО*) Белоручейскому ЛПХ включено 15000 штук 82 мм мин. В связи с тем, что заниматься уже будут ГКО и Госплан, Артиллерийское управление 7-й отдельной армии не может заниматься организацией производства мин на предприятии.

Однако вся продукция, изготовленная в Белоручейском ЛПХ до заключения договора с наркоматом боеприпасов, будет принята представителем 7-й отдельной армии и оплачена»¹⁸.

Так белоручейские мины получили статус государственного заказа...

И еще один факт, относящийся к 1942 году, который вполне сошел бы за вымысел, за легенду, если б не архивные документы. В сентябре-октябре у самой линии фронта – на полях колхоза «Пионер» (деревни Мироново, Осипово, Копово, Димшино) – был убран урожай ржи.

Как здесь во время боев оказались поля с поспевшей рожью, гадать не приходится. Осимый сев в наших северных краях начинается где-то в середине августа. В сорок первом это было еще время, когда Ошта считалась относительным тылом. И крестьяне успели засеять осимый клин. Самые трудные бои проходили здесь в декабре сорок первого и апреле сорок второго. Тяжелой техники у дивизий на этом участке не было, а солдатские ботинки и валенки не могли так уж сильно повредить полям, укрытым глубоким снегом. Вот и выросла, вымахала рожь-матушка, прибавила забот не только селянам, но и военным.

* Государственный Комитет Оборонны

В отчете Оштинского райкома партии от 10 сентября 1942 года говорится: «Советовались с командованием. * Разрешили допустить проверенных людей для уборки в прифронтовой полосе. Создали фронтовые бригады... Перед людьми была поставлена задача при любых трудностях убрать урожай до последнего колоска»¹⁹.

Пропагандист райкома партии А. Н. Павшукова, возглавившая одну из таких бригад, написала свой отчет о работе в виде дневника²⁰.

«В первый день все вместе вязали снопы (рожь, скошенную военными у деревни Копово)... Вечером бригаду разбили на три звена...»

В том же отчете райкома, что цитировался выше, указывается, что третье звено, выделившееся из бригады Павшуковой, состоявшее из юношей-призывников, занималось отвозкой и скирдованием снопов.

«6 сентября. Начали жать в Осиповском поле. Расстояние от передовой – 500-600 метров. Девушки моей бригады впервые взяли в руки серпы. Работали без отрыва до 8 часов вчераше... Выполнили норму, несмотря на то, что только учились жать...»

Как она учила их жать под обстрелом финских пушек и минометов, осталось между строк. А вот то, что было страшно, бригадир и не пытается скрывать. Каждой девушке казалось, что снаряды летят «прямо на них».

«7 сентября до трех часов работали без отрыва... После обеда финны стали бить по нам из орудий... По приказу двух лейтенантов работу пришлось оставить. Сели на низменное место, где они нам рассказали, как надо беречь себя от снарядов и мин. После обстрела снова стали жать... Дневную норму опять выполнили на 100 %».

«8 числа работали от передовой в 250–300 метрах. Из-за сильного артогня пришлось два раза отрываться от работы. Несмотря на это, норму выполнили на 130 %».

«9 числа утром взаимная перестрелка из минометов... работали, не уходя с поля. В этот день я, Чеснокова и Климова выполнили норму на 150%... Ишутина и Андропова на другом поле вязали снопы».

«Работая, находили на поле простреленные кружки, саперные лопатки, осколки от снарядов и мин. Девушки другой бригады находили на поле мины. Мины эти снимали военные. Самый ответственный участок –

* Речь идет о 368-й стрелковой дивизии, которая в апреле 1942 года сменила на этом рубеже 272-ю сд.

Осиповское поле – дожали. Оставшиеся соток тридцать военные не разрешили жать, так как поле было минировано, и за этой полосой уже проходила линия обороны. Последнее поле, ниже Осиповского, дожали пять человек под огнем..., но не покинули работу. Это было 13 сентября. В этот день была особенно сильная перестрелка с обеих сторон через наше поле.

Вся бригада работала, не покладая рук. И как результат – на 13 сентября вместе с военными и колхозниками убрали 76 гектаров...»

После тринадцатого, когда часть девушек из бригады вернулась к своим основным обязанностям, остальные работали, хоть рядом с передовой, но уже в более безопасном месте на обмолоте хлеба. Молотилку так же, как и снопы, вывезли буквально из-под огня, но в целости и сохранности. «Хорошо работали во время молотбы, – пишет Павшукова, – Климова, Фомснкова, Тарвинсн и др., которые бессменно убрали солому из-под машины. Скирдовали военные».

Закончила работу бригада 9 октября и отправилась пешком домой. По дороге еще раз попала под обстрел, но никто не пострадал. «Задача была выполнена с честью», – заканчивает свою докладную записку А. Н. Павшукова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 725. Оп. 2. Д. 63. Л. 9.

² Там же. Д. 64. Л. 5.

³ Там же. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 69. Л. 60.

⁴ Там же. Ф. 1039. Оп. 2. Д. 197. Л. 29.

⁵ Там же. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 335. Л. 78.

⁶ Архив Министерства обороны. Ф. 272. Оп. 5372. Д. 85. Л. 108.

⁷ ВОАНПИ. Ф. 1039. Оп. 2. Д. 197. Л. 54.

⁸ Там же. Л. 89.

⁹ Там же. Ф. 2522. Оп. 3. Д. 327. Л. 98.

¹⁰ Там же. Ф. 1039. Оп. 2. Д. 197. Л. 84.

¹¹ Там же. Л. 85.

¹² Там же. Л. 86.

¹³ Там же. Л. 87.

¹⁴ Там же. Л. 103.

¹⁵ Там же. Л. 105– 106.

¹⁶ Там же. Л. 107.